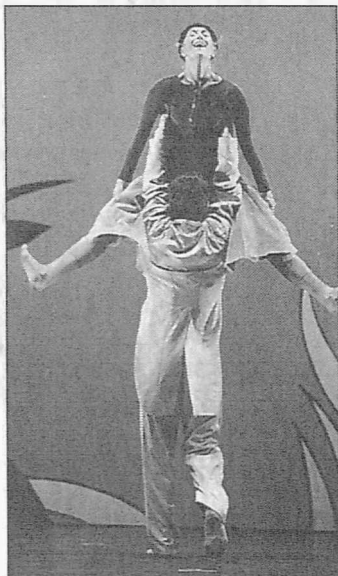

Москве показали голого человека

Шведский «Куулберг балет» на сцене Большого

О Матсе Экке, едва ли не самом авангардном балетмейстере на земном шаре, у нас говорили раньше, как о хулигане, потом как о мифическом полубоге и вот теперь – его театр в Москве. Правда, сам Матс Экк не прилетел. А труппа вместо предполагавшихся двух спектаклей (второй должен был стать сборным – из лучших репертуарных вещей) привезла лишь один, но зато самый скандальный – «Жизель».

Балет Адольфа Адана – недоtroга в мировом балетном репертуаре. Очень уж старый – аж первой половины прошлого века, хрупкий такой, словом, раритетный. И сама крестьяночка Жизель, влюбленная в графа, тоже почти что за два столетия одряхла не на шутку. Матс Экк в содружестве со сценографом Марией-Луизой Экман оживил пейзажанку, превратив ее в эдакую Пеппи Длинныйчулок, которая фуриозно носится по сцене, отстаивая

Сцена из шведской «Жизели».

свое право на любовь. Ведь, как известно, и пейзажанки любить умеют. А пока Жизель меряет гигантскими шагами маленькую сцену Большого театра, на которой под гербарием из советской символики она, кажется, чувствует себя не совсем уютно, прочие поселяне и поселянки при полупотушенной люстре делают в такт очаровательной музыке Адана ритмичные телодвижения. В публике робкие догадки: «Да неужели же они?...». То самое и есть. А Жизель этого не делает, и потому ей совсем одиноко. Она единственная тут неприкаянная, она единственная по-настоящему нелюбимая. Она – вещь, как Катерина Кабанова, как Лариса Огудалова. Односельчане ее к себе тянут, а граф – к себе (но жениться не хочет). И никто ее не понимает. А значит, в этом мире для нее места нет. Но разве в XX веке умирают от любви? Теперь иные финалы. Жизель уходит в «психушку». И граф соответственно не на погост к суровым и загадочным виллисам отправляется, а в сумасшедший дом, где, впрочем, свои виллисы готовы засунуть несчастного в свою палату номер шесть. Однако и тут его спасает Жизель, которую он проглядел. Причем не просто прощает графа, а возвращает его и к истокам жизни. Понимая, какую же ошибку он сотворил, граф рождается вторично – из лона матушки-природы, как из материнской утробы. Потому-то он и появляется в эпилоге балета абсолютно голым, как говорится, в чем мама родила.

Кстати, хореографию балета нельзя назвать такой уж скандальной. Другое дело, что арсенал приемов модернистского балета не столь богат, а перекачивания по сцене, вползания и уползания по-пластунски, равно как и швыряния гигантскими яйцами (а-ля то, что некогда Андрей Вознесенский выставлял всем на обозрение в скверике в Брюсовом переулке), вряд ли могут восприниматься сегодня, как «крутой» авангардизм. Дежа вю, опять-таки...

Новые Известия
1999 - ОКТ. - С. 7

Андре Данс, для «Новых Известий».